

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н. А. Михальчук, А. Э. Пунинская

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра общего и славянского языкознания)

В статье рассматривается специфика использования речевой манипуляции в структуре художественного произведения, основные стратегии и тактики и языковые средства реализации манипуляции в романе В. В. Набокова «Отчаяние».

Речевая манипуляция является одним из способов непрямого речевого воздействия. При манипуляции, как пишет В. Дементьев, «интенциональное состояние адресанта вполне определенно, но форма высказывания сознательно избирается такой, чтобы НЕ сигнализировать адресату об истинном интенциональном состоянии адресанта» [1, с. 214]. Ученый отмечает: «Если в случае косвенного директивного речевого акта просьба остается просьбой, только форма высказывания взята от другого иллокутивного акта, то в случае манипулирования адресант делает вид, что просьбы нет. Неопределенность присуща интенциональному состоянию адресата и не присуща интенциональному состоянию адресанта» [1, с. 214].

Явление речевой манипуляции по-разному описывается в прагматике. Одни авторы подчеркивают нежелательность манипуляции для объекта влияния. В отличие от речевого влияния, учитывающего согласие другого человека или отсутствие его, манипуляция предполагает несогласие информации, которая расходится с желанием влияющей стороны. У объекта манипуляции нет свободного и самостоятельного выбора [1; 2].

В других работах различается «холодная» манипуляция (без учета интересов манипулируемого) и «теплая» (с учетом интересов адресата) [3]. Относительно «теплой манипуляции» Т. В. Нестерова приводит в качестве примеров «ложь во спасение» или «манипуляцию с целью повысить самооценку объекта манипуляции» [3]. Ю. А. Дидык разграничивает манипуляцию и актуализацию: в последнем случае у адресанта сообщений нет намерения получить «односторонний выигрыш» [4, с. 8]. В. И. Карасик подчеркивает отрицательное отношение манипулятора к адресату, маскируемое под внешне положительное [5, с. 94].

Информированность адресата сообщений о факте манипуляции тоже трактуется неоднозначно. Так, В. В. Дементьев, Ю. А. Дидык полагают, что, если адресат знает о манипуляции, манипуляции нет [1; 4]. Иная точка зрения отражена в работах Е. Л. Доценко, Т. В. Нестеровой, в которых учитываются случаи, когда объект манипуляции не понимает, что им манипулируют, и случаи, когда адресат догадывается об истинном значении речевых актов манипулятора [3; 6].

В структуре художественного произведения речевая манипуляция требует особого рода коммуникативной ситуации, своеобразных художественных задач, стоящих перед автором. Речь идет о типе языковой личности адресанта сообщений, содержащих манипуляцию, – «конфликтно-манипуляторском» (термин К. Ф. Седова) [7, с. 269], об определенных обстоятельствах и причинах, побуждающих персонажа к выбору средств косвенной агрессии для достижения коммуникативной цели, о ключевых идеях, воплощенных писателем с помощью данных единиц не прямой коммуникации.

Обратим внимание на роман В. Набокова «Отчаяние». По отношению ко всем действующим лицам

романа главный персонаж Герман придерживается манипулятивной коммуникативной установки. Благодаря авторским комментариям читатель получает необходимую и полную информацию о коммуникативных целях участников общения, их моделях мира, потребностях. Интересен с точки зрения использования речевой манипуляции диалог Германа с женой, в котором он пытается ввести ее в курс происходящего.

Манипулятор – Герман. Его коммуникативная цель – подготовить жену к своему отъезду, не раскрывая при этом истинных намерений. Манипулируемый – Лидя. Герман знает ее как человека, склонного к дешевой мелодраматичности. Манипуляцию тщательно организует в тексте автор романа: авторские комментарии информируют читателя о модели мира и потребностях Лиды, Герман создает для нее образ текущей коммуникативной ситуации. Использование наиболее доступных манипулируемому категорий восприятия и опора на его наиболее сильные гипотезы позволяют Герману результативно организовать неадекватное восприятие Лидой речевого события.

Тонким инструментом психологического воздействия Германа является метафора. Герман щедро расцвечивает свой рассказ метафорами: *«крушение души»*, *«изодранный застенок памяти»*, *«бездна страждущего духа»*, *«грозовой свет его трагической судьбы»*.

В манипулятивной функции выступает антитеза, реализованная на уровне высказывания: *«С одной стороны, бездна страждущего духа, с другой – деловые проекты»*.

Манипулятор использует многочисленные «аффективы»: *«участь, добро, совесть, грех, гибель, моральное право, человеческая трагедия, искупление»*, *«такой отказ – грех, этот грех не хочу, не хочу брать на свою совесть»*, *«Не дай Бог никому пережить такие минуты, видеть, как брат гибнет, и не иметь морального права гибель его предотвратить»*, *«тут речь идет о величайшей человеческой трагедии»*.

Частотны в речи Германа лексические повторы, наделяющие его рассказ экспрессией: *«ты думаешь... ты думаешь... ты думаешь...»*.

Как демагог, Герман реализует следующие тактики: тактику создания автобиографической легенды, обмана, облекаемую в форму высокопарных рассуждений, речевую демагогию. Видя, что коммуникативная цель не достигается и Лидя не готова принять как должное факт гибели человека, названного Германом своим братом, герой корректирует стратегию и вводит тактику речевой агрессии, которая дает неожиданный результат: *«Она расплакалась и сделалась вдруг податливой, нежной, припала ко мне вздрагивая: «Прости меня... Я сделаю все, что ты хочешь»*.

В художественной литературе манипулятивное речевое воздействие часто изображалось в комедийном плане: в «Двенадцати стульях» и «Золотом тельце» И. Ильфа и Е. Петрова (Остап Бендер), в «Ревизоре» Н. В. Гоголя (Хлестаков), в «Мертвых душах» (Чичиков). В этих произведениях манипуляторы при всей оборотистости и нечестности оказывались людьми, не лишенными обаяния и деловитости. Герман в романе Набокова – зловещий и жестокий тип манипулятора в русской литературе. Его преступление содержится в себе «безумные притязания «я» на господство над всем и вся».

Литература

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
2. Денисюк, Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Денисюк ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
3. Нестерова, Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) / Т. В. Нестерова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2015. – № 5, ч. 1. – С. 156–162.
4. Дидык, Ю. А. Речевая манипуляция в оригинальном и переводном тексте: на материале пьес Б. Шоу : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. А. Дидык ; Ульян. гос. ун-т. – Саратов, 2010. – 21 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 389 с.
6. Доценко, Е. Л. Механизмы психологической защиты от манипулятивного воздействия : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Е. Л. Доценко ; Моск. гос. ун-т. – М., 1994. – 19 с.
7. Седов, К. Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2008. – 318 с.